

7. Bassett, Keith. "Thinking the Event: Badiou's Philosophy of the Event and the Example of the Paris Commune." *Environment and Planning D: Society and Space* 26 (2008): 895-910.
8. Bensa, Alban, and Eric Fassin. "Les sciences sociales face à l'ivânement." *Terrain: Revue d' Ethnologie de l' Europe* 38 (2007). <http://terrain.revues.org/1888>. 3 Jun. 2011.
9. Bosteels, B. "Alain Badiou's Theory of the Subject: The Recommencement of Dialectical Materialism?(Part II)." *Philosophy* 13 (1998): 172-208.
10. Clemens, Justin, and Oliver Feltham. *Event and Decision: Ontology and Politics in Badiou, Deleuze, and Whitehead*. Ed. Roland Faber, Henry Krips, and Daniel Pettus. Newcastle: Cambridge Scholars, 2010.
11. Davidson, Donald. *Essays on Actions and Events*. Vol. 1. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001.
12. Davidson, Donald. "Mental events." *Readings in philosophy of psychology* 1 (1980): 107-119.
13. Debord, Guy. "Contribution to a Situationist Definition of Play." *Internationale Situationniste* 1 (1958). <http://www.cddc.vt.edu/sionline/si/play.html>. 1 Jul. 2011.
14. Deleuze, Gilles. *Logique du sens*. Paris: Éditions de Minuit, 1969.
15. Derrida, Jacques. *Writing and difference*. Chicago: University of Chicago Press, 1978.
16. Dray, William H. *Laws and Explanation in History*. Oxford: Clarendon Press, 1970.
17. Esposito, Roberto. *Pensiero vivente. Origine e attualita della filosofia italiana*. Torino: Einaudi, 2010.
18. Gualandi, Alberto. "La rottura e l' evento. Il problema della verita scientifica nella filosofia francese contemporanea." *Isonomia* 25.9 (2004): 1-30.
19. Hallward, Peter. *Badiou: A Subject to Truth*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2003.
20. Kim, Jaegwon. "Causation, Nomic Subsumption, and the Concept of Event." *The Journal of Philosophy* 70.8 (1973): 217-236.
21. Kim, Jaegwon. *Physicalism, or Something Near Enough*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2007.
22. Stinner, Arthur. "Science, humanities, and society -The Snow-Leavis controversy." *Interchange* 20.2 (1989): 16-23.
23. Zald, Mayer N. "Sociology as a Discipline: Quasi-Science and Quasi-Humanities." *The American Sociologist* 22.3 (1991): 165-187.

КРИС ЛОРЕНЦ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ: В ЗАЩИТУ «ВНУТРЕННЕГО РЕАЛИЗМА»*

Аннотация: В статье рассматривается одна из ключевых теоретико-познавательных проблем — проблема соотношения знания и действительности — в ее экспликациии применительно к специфике исторического познания. Автор обосновывает концепцию

Лоренц Крис (Кристоф Фредерик Гийсберт) — доктор философии, профессор философии истории и историографии Амстердамского свободного университета (Нидерланды). E-mail: cfg.lorenz@let.vu.nl.

* Перевод выполнен по изданию Lorenz, Chris. "Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for 'Internal Realism'" // *History and Theory: Contemporary Readings*. ed. B. Fay, P. Pomper, R. Vann. Oxford, 1998. P. 342-376. По просьбе автора мы сверили наш перевод с более поздним немецким изданием этой статьи: Historisches Wissen und historische Wirklichkeit: Für einen rinternen Realismus, in: Jens Schröter / Antje Eddelbüttel (Hgs.), Konstruktion von Wirklichkeit. Beiträge aus geschichtstheoretischer, philosophischer und theologischer Perspektive, Berlin/New York 2004, 65-106. Все существенные различия между первоначальным английским оригиналом и немецким переизданием статьи (обозначаемым далее как *Historisches Wissen*) указаны в особых примечаниях от переводчиков и в квадратных скобках в самом тексте.

«внутреннего реализма» для исторической науки и демонстрирует, каким образом эта концепция помогает преодолеть ограниченность подходов объективизма и релятивизма в интерпретации исторического знания.

Вводится понятие «практический интерес истории», что позволяет рационально объяснить нормативное измерение истории и по-новому подойти к рассмотрению проблемы соотношения фактов и ценностей. Основные положения своей концепции автор иллюстрирует и обосновывает на материале так называемого *Historikerstreit* – известного спора немецких историков о характере и методах исторического исследования событий Второй мировой войны.

Abstract: *The paper presents an investigation into the key epistemological problem – the relationship between knowledge and reality – in its explication within the specifics of historical knowledge. The author substantiates the conception of “internal realism” for historical science and demonstrates how this conception may be applied for overcoming the restrictions of objectivism and relativism in interpretation of historical knowledge.*

*A notion of the “practical interest of history” is introduced, which allows one to explain rationally the normative dimension of history and to see a new perspective in elucidating the relationship between facts and values. The author illustrates and justifies his conception by considering the so called *Historikerstreit* – a notorious discussion among German historians about the ways of historical investigation of the Second World War.*

Ключевые слова: историческое знание, историческая действительность, факт, ценность, практический интерес истории, истина, нормативное измерение истории, объективизм, релятивизм, внутренний реализм.

Key words: *historical knowledge, historical reality, fact, value, practical interest of history, truth, normative dimension of history, objectivism, relativism, internal realism.*

Предисловие переводчиков

Российский читатель пока еще мало знаком с исследованиями современного нидерландского специалиста в области философии и методологии истории Криса Лоренца, о чем свидетельствует тот факт, что предлагаемый перевод статьи “*Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for ‘Internal Realism’*” (1994) является первым переводом работ этого автора на русский язык. Вместе с тем, следует отметить, что он довольно хорошо известен в мире, в частности, его труды неоднократно издавались на английском, немецком, французском, испанском, итальянском, венгерском, польском, иврите, корейском и китайском языках.

Крис Лоренц (*Christoff Frederik Gijbert Lorenz*) – профессор теории истории и историографии Амстердамского университета (Нидерланды). Его интересы сосредоточены вокруг проблем философии истории, современной немецкой историографии, компаративистской историографии, взаимоотношения истории и социальных наук, а также проблем современного высшего образования. Как философ истории Лоренц может быть интересен для нашего читателя тем, что он разрабатывает отличную от постмодернистской теорию исторического познания. Его вариант исторической эпистемологии опирается на достижения современной философии науки, в частности идеи Л. Витгенштейна, К.Р. Поппера, Х. Патнема, Дж.Л. Остина, Дж.Р. Серля и др. В то же время, Лоренц продолжает и актуализирует неокантианскую традицию в методологии исторического, шире – гуманитарного познания, возрождая концепцию «нормативного сознания» Г. Риккерта (культурная ценность как критерий построения поня-

тий в «идеографических науках») и используя известную дихотомию «факт — ценность» М. Вебера в качестве отправного пункта для своих рассуждений. Значительное влияние на позицию Лоренца оказало также одно из самых влиятельных направлений современной эпистемологии истории — нарративная философия истории, особенно работы Ф.Р. Анкерсмита и Х. Уайта, в продуктивной полемике с которыми во многом построена предлагаемая читателю работа.

В статье «Историческое знание и историческая действительность: в защиту “внутреннего реализма”» автор подвергает критике позицию историков-объективистов, которые ставят перед собой цель объяснить, «как все было на самом деле». Лоренц утверждает, что объективизм основывается на устаревшей методологии и поэтому не может сегодня использоваться практикующими историками. Главным его недостатком он называет то, что в рамках данного подхода невозможно объяснить, почему историки дискутируют и зачастую не могут прийти к рациональному согласию, а также, почему споры историков больше напоминают политические дебаты, нежели научные дискуссии.

Лоренц считает, что в рамках истории самой по себе невозможно найти ответ на этот вопрос. Поэтому он широко привлекает идеи современной философии науки и эпистемологии, с помощью которых предлагает преодолеть методологическое несоответствие объективистской позиции. В частности он утверждает, что объективисты не учитывают следующих методологических инноваций второй половины XX века:

Лингвистический поворот. Объект познания дан нам не непосредственно, но посредством языка. Сам язык в научном познании выполняет не только репрезентативную функцию, но и является прагматическим средством коммуникации, на что обращают внимание Остин и Серль (теория речевых актов). Следовательно, действительность для нас — это всегда действительность в рамках определенной схемы описания.

Признание нетождественности материализма и реализма как позиций, противоположных идеализму в понимании исторического прошлого. Это связано с идеей «преодоления метафизики» и окончательным разграничением сфер онтологии и эпистемологии. Если материализм — это онтологическая позиция, представители которой полагают, что настоящим бытием наделяются только материальные предметы и явления, то реализм — эпистемологическая, согласно которой признается, что нечто (например, прошлое) реально существует в качестве объекта познания конкретно-исторического субъекта, описывающего данное прошлое в рамках определенной схемы.

Выявление и обоснование ограниченности эмпиризма как гносеологической позиции. С точки зрения Лоренца, неправомерно отождествлять научное и эмпирическое знание, даже в такой, казалось бы, сугубо эмпирической области как история. Данное положение отсылает к критическому рационализму Поппера, оппонировавшему позиции «современного эмпиризма», т.е. неопозитивизма. Применительно к истории речь идет о несовпадении понятий «факт» и «событие», поскольку каждый факт имеет «теоретическую нагруженность».

В силу своей методологической ограниченности исторический объективизм во второй половине XX в. порождает свое «зеркальное отображение» — исторический релятивизм, который, согласно Лоренцу, не только не способен преодолеть недостатки объективизма, но и лишает историю научного статуса, превращая ее в индивидуальную «форму искусства», «акт веры» или «выражение культуры». Тем не менее, релятивистский подход в истории приобретает все большую популярность, особенно на постсоветском

пространстве (речь идет о пресловутом постмодернизме).

«Красной нитью» по всей статье проходит идея, что философия истории должна разработать такой подход, который бы помог практикующему историку избежать Сциллы исторического объективизма и Харибды исторического релятивизма и который бы объяснил, почему историки в принципе не могут не дискутировать. Лоренц не просто декларирует необходимость разработки такого подхода, но и предпринимает достаточно успешную попытку реализовать данный методологический проект, который он обозначает как «внутренний реализм». При этом он задействует основные идеи концепции «внутреннего реализма» Хилари Патнема, разработанной последним, как известно, на материале естествознания. Лоренц адаптирует эту концепцию применительно к исторической науке, опираясь на три ключевых положения: (1) джастификационизм, т.е. обоснование претензии на истину; (2) реализм (прошлое реально существует, а не сводится к текстам); (3) новая интерпретация классической проблемы фактов и ценностей. Центральная идея статьи «Историческое знание и историческая действительность...» — «нормативное измерение истории невозможно элиминировать, а потому оно требует рационального обоснования», что автор и пытается осуществить на примере знаменитого спора немецких историков (*Historikerstreit*). Тем самым Лоренц предлагает «реалистический» путь выхода за пределы объективизма и релятивизма в осмыслении прошлого, который преодолевает крайности позитивизма и постмодернизма, сохраняя за историей право именоваться наукой.

Среди других работ Лоренца, тематически связанных с предлагаемой вниманию читателей статьей и продолжающих разработку поставленных в ней проблем, следует назвать — «Могут ли истории быть истинными: нарративизм, позитивизм и метафорический поворот» (“*Can histories be true?: narrativism, positivism and metaphorical turn*”, 1998), «Нарративизм, эмпиризм и метафора» (“*Narrativism, empiricism and metaphor*”, 1999), «“У вас своя история, у меня своя”. Некоторые размышления по поводу возможности истины и объективности в истории» (“*You got your history, I got mine’. Some reflections on the possibility of truth and objectivity in history*”, 1999), «Взгляд отовсюду. (или: о фактах, вымысле, футболе и Индии) Некоторые размышления о (не)возможности написания истории» (“*The view from anywhere. (or: on facts, fiction, football, and an Indian) Some reflections on the (im)possibility of the writing of history*”, 2000), «История: формы репрезентации и функции» (“*History: forms of representation and functions*”, 2001), «Подводя черту: “научная” история между созданием и разрушением мифов» (“*Drawing the line: “scientific” History between Myth-making and Myth-breaking*”, 2008).

*«Там где нет теории и активного мышления, там есть только впечатления»
Хейден Уайт (см. прим. 1)*

Как-то одному фермеру попал в руки экземпляр «Критики чистого разума» Канта. Он открыл книгу и начал читать, но далеко не продвинулся. Довольно скоро он закрыл книгу со словами: «Мне бы его проблемы!» (см. прим. 2).

Этот анекдот был использован немецким историком Кристианом Мейером двадцать лет тому назад, чтобы обрисовать сложные взаимоотношения между историками и философами, причем историков он сравнил с упомянутым фермером. Шутка Мейера будет служить отправной точкой моего анализа взаимоотношения между историей и философией истории. Я собираюсь показать, что занятие историей име-

ет гораздо более философский характер, чем это принято считать среди историков, и что признание этого факта может расширить рамки исторических дискуссий и улучшить их качество. Вопреки таким философам истории как Аткинсон, я отстаиваю точку зрения, согласно которой философия может оказаться полезной для историков, поскольку философские озарения могут улучшить «занятие историей» (см. прим. 3). Но в то же время я собираюсь показать, что это выполняется лишь в том случае, если философы истории всерьез воспринимают проблемы, волнующие профессиональных историков – а это означает, что споры историков всегда должны формировать исходный материал для философского анализа, что и подчеркивали такие философы как Дрей и Мартин (см. прим. 4).

Чтобы прояснить суть своей позиции, я подвергну анализу недавнюю дискуссию среди немецких историков – знаменитый *Historikerstreit* (см. прим. 5). При этом я собираюсь пролить свет на взаимоотношение между историей и философией истории, отстаивая три тезиса. Во-первых, вопреки широко распространенной постмодернистской моде, я утверждаю, что историки всегда претендуют на знание реального прошлого, и поскольку любая претензия на знание предусматривает претензию на истину, то обоснование претензии на истину должно оставаться центральным как для истории, так и для философии истории – да простят меня Рорти, Анкерсмит и постмодернисты (см. прим. 6). Во-вторых, я утверждаю, что этот призыв вернуться к джастификационизму в философии истории предполагает реализм по отношению к прошлому как со стороны историков, так и со стороны философов истории. Таким образом, разоблачение наивного реализма – или объективизма, как его часто называют – вовсе не означает отказ от реализма в целом, а также не требует принятия идеализма (как думают некоторые последователи Коллигвуда) или эстетизма – или других разновидностей релятивизма (см. прим. 7). В-третьих, я утверждаю, что та разновидность реализма, которую я развиваю – так называемый «внутренний реализм» – позволяет по-новому осветить классическую проблему фактов и ценностей, которая давно волнует как историков, так и философов истории. Данный анализ приводит к выводу – к которому пришли также Юрген Хабермас, Юрген Кока и Йорн Рюзен – что нормативное измерение истории невозможно элиминировать, а потому оно требует рационального обоснования (см. прим. 8).

1. *Historikerstreit*

Historikerstreit достиг своего апогея в 1986 и в 1987 гг. (см. прим. 9). Его центральной темой было место «Третьего Рейха» в истории Германии – тема, широко обговариваемая среди немецких историков еще с конца 1960-х гг. (см. прим. 10). Я выбрал эту дискуссию в качестве примера в связи с ее взрывным характером. По этой причине *Historikerstreit* может быть проанализирован как своего рода коллективная «огорворка по Фрейду» исторической профессии, обнаруживающая аспекты, обычно скрытые в «нормальных» дискуссиях. [Преемственность с новейшими дискуссиями о немцах как жертвах войны (*deutschen Opferdiskurs*) и в 2004 г. показывает, что выбор этого примера был очень удачным (см. прим. 11).] Я сосредоточу внимание на основных спорящих сторонах и сознательно схематизирую полемику в виде спора между двумя группами. Одна группа концентрируется вокруг Эрнста Нольте и Андреаса Хилльгрубера. Вторая группа состоит из их критиков во главе с Юргеном Хабермасом, Гансом Моммзеном и Мартином Брошатом. Можно показать, что все эти

историки обосновывали свои притязания на знание, апеллируя к «фактам», «действительности» и «истине»; в то же время оказывается, что они стараются подорвать претензии на знание со стороны оппонентов, обличая их как «оценочные суждения».

Historikerstreit начался со статьи философа и социолога Хабермаса, опубликованной в газете «Die Zeit» (см. прим. 12). В ней Хабермас критиковал апологетические тенденции новых трактовок национал-социализма в работах западногерманских историков. Нольте и Хилльгрубер — оба известные специалисты — были его наиболее значительными мишенями. В своих последних работах Нольте предложил применить к истории Третьего Рейха новый подход (см. прим. 13). Он считал это необходимым, поскольку изначальное изображение «Третьего Рейха» как абсолютной империи зла, по его мнению, устарело. Согласно Нольте, историки, придерживающиеся такого представления, используют штамп, введенный нацистами: приписывание коллективной вины. Единственное отличие состоит здесь в том, что коллективная вина приписывается немцам вместо евреев. Негативный имидж «Третьего Рейха», считает Нольте, не только вынуждает мыслить в черно-белых тонах, но и вызывает «национализм наоборот». Это мешает развитию научной истории, поскольку историческое понимание возможно лишь, если видеть различные оттенки серого.

Нольте дал два примера предложенного им нового подхода, в контексте которого следует интерпретировать нацистскую Германию. Национал-социализм в целом и нацистские преступления по отношению к евреям в частности не должны рассматриваться только в рамках немецкой истории; вместо национального необходимо задействовать сравнительно-европейский или даже всемирный подход. Это обосновывается тем, что история двадцатого столетия приобрела характер всемирной истории в точном смысле этого слова; поэтому национальная история указанного периода была бы полнейшим анахронизмом. Наднациональный характер исторической действительности двадцатого столетия буквально требует от историков наднационального подхода. Соответственно, историки не должны больше относиться к Гитлеру как к неудачной имитации Бисмарка, но скорее в нем следует видеть европейского «Анти-Ленина». Историки, которые не в состоянии понять этот элементарный факт, жестоко заблуждаются.

Аргументируя таким образом, Нольте настаивает, чтобы преступления нацистов по отношению к евреям рассматривались в свете других массовых убийств двадцатого столетия, начиная с турецкого геноцида армян, массовых убийств во время революции в России и после нее, а также недавних кровопролитий во Вьетнаме, Камбодже и Афганистане. Согласно Нольте, все эти кровавые расправы должны быть осмыслены в контексте социальных и культурных процессов искоренения устоявшихся форм жизни, а также в контексте идеологий, созданных для обеспечения этих процессов. Этот процесс искоренения рассматривается Нольте как одно из следствий процесса модернизации, начавшегося вместе с промышленной революцией.

В центре идеологий, о которых идет речь, находится идея, что физическая ликвидация какой-то конкретной социальной группы приведет к решению проблем «нашего времени», ибо такая ликвидация якобы представляет собой необходимое условие осуществления утопии. Нольте утверждает, что наиболее влиятельными из этих «утопических фантазий о полном уничтожении» являются марксизм и национал-социализм. Их влияние обуславливалось тем фактом, что эти идеологии были усвоены успешными политическими движениями и превратились в государствен-

ные идеологии: в России после 1917 г., а в Италии и Германии после 1922 и 1933 гг. соответственно. В России и Германии такие «фантазии о полном уничтожении» позднее были воплощены в жизнь.

Согласно Нольте, эти события были взаимосвязаны, поскольку немецкая практика полного уничтожения была «вызвана» русским примером. Очевидно, что последний тезис является наиболее спорной составляющей нового подхода к немецкой истории со стороны Нольте. Он помещает указанную причинную взаимосвязь [между «Гулагом» и «Аушвицем»], истолковываемую им как необходимое, но недостаточное условие, в сознание Гитлера и его ближайшего окружения. Именно угроза российской революции и страх перед истреблением подобным тому, которое осуществлялось большевизмом по отношению к российской буржуазии, и побудили Гитлера к созданию Аушвица, говорит Нольте.

В сознании национал-социалистов большевизм был еврейским изобретением, а Советский Союз – государством, в котором господствовали евреи. По этой причине Гитлер отождествлял борьбу против большевизма с борьбой против евреев, что имело для последних фатальные последствия. По мнению Нольте, антисемитизм нацистов необходимо рассматривать, таким образом, как исторически понятную трансформацию их «легитимного» страха перед большевизмом. Традиционный антисемитизм не играл в этих событиях вообще никакой роли.

Андреас Хилльгрубер, независимо от Нольте, также разработал новый подход к истории нацистской Германии (см. прим. 14). Подобно Нольте, он предлагает подойти к рассмотрению этого эпизода с востока и, как и Нольте, критикует других исследователей за их ограниченный кругозор (см. прим. 15). Под «ограниченностью» имеется в виду их слепота по отношению к *двум* национальным катастрофам Второй мировой войны и их взаимосвязи – катастрофе европейских евреев и катастрофе немецкого народа. Последняя заключалась в изгнании двенадцати миллионов немцев Восточной и Центральной Европы в 1944–1945 гг. в связи с присоединением их прежней родины к России и Польше и разделом Германии.

Согласно Хилльгруберу, историки до сих пор так и не объяснили взаимосвязь этих двух катастроф в правильной общеевропейской перспективе. Они предполагают наличие прямой зависимости между немецкой и еврейской катастрофами, объясняя первую как наказание союзниками за вторую. Но такая точка зрения ошибочна, потому что в то время, когда государства антигитлеровской коалиции разрабатывали планы об устройстве Германии после ее поражения, о еврейской катастрофе еще не было известно. Поэтому политика союзников по отношению к послевоенной Германии не может быть связана с немецкими преступлениями по отношению к еврейскому народу, а должна быть отнесена на счет так называемого «прусского стереотипа». Этот стереотип заключается в идее о существовании «немецкой угрозы» для Европы, а также в том, что эта угроза исчезнет только вместе с Прусским милитаристским государством (и самым его сердцем, расположенным восточней Эльбы). Таким образом, еврейская и немецкая катастрофы причинно никак не связаны.

Однако, согласно Хилльгруберу, взаимосвязь между двумя катастрофами все же имела, поскольку они *обе* могут быть объяснены посредством некоего скрытого фактора. Этой скрытой причиной явилась политика депортаций и ликвидации целых народностей, вытекающая из разработанной в двадцатом столетии идеи «этнической чистки». Сталина и Гитлера можно выделить среди других массовых убийц

лишь по той радикальности, с которой они проводили данную идею в жизнь. Еврейская катастрофа является ее наиболее заметным результатом, вследствие чего немецкая катастрофа отошла на задний план. Тем не менее, они обе относятся к одному и тому же историческому контексту.

Как и у Нольте, новый подход Хилльгрубера предполагает непосредственную взаимосвязь между немецкой политикой полного уничтожения и общей европейской историей. Это не означает, что Хилльгрубер полностью игнорирует тот факт, что без нацистской Германии Аушвиц был бы невозможен и, следовательно, поражение Германии было в высшей степени желательно. Эта проблема преподносится как трагическая дилемма немецкой армии, дилемма без всякой надежды на разрешение [— дилемма, которая предполагает, как само-собой разумеющееся, различие между «чистым» Вермахтом и преступными нацистами (см. прим. 16)]. Защищая немецкое население от наступающей Красной армии, Вермахт невольно дал нацистам возможность продолжать их политику уничтожения в концлагерях за линией фронта.

Единственный путь, имеющийся у немецких историков для того, чтобы постичь эту трагедию, состоит в мысленном перенесении себя в эту ситуацию. Согласно Хилльгруберу, ключ к историческому пониманию заключается в том, чтобы посмотреть на эту ситуацию глазами немецкой армии и описать ее с этой точки зрения, ибо именно так поступал немецкий народ. Поэтому, для историка Восточного фронта «реалистичным» является только подход с точки зрения Вермахта. Как и Нольте, Хилльгрубер пытается, таким образом, узаконить свой подход, апеллируя к исторической действительности.

Эти два подхода, суммированные таким образом, вызвали *Historikerstreit*. В ходе этой дискуссии немецкие историки раскололись на два лагеря. Историки, симпатизирующие левым взглядам того или иного толка, склонялись к поддержке критики, высказанной Хабермасом. Их статьи печатались главным образом в левоцентристском либеральном еженедельнике «Die Zeit». Историки более консервативного склада ума поддерживали Нольте и Хилльгрубера, пытаясь защитить их от критики Хабермаса и прочих. Их статьи появлялись преимущественно в консервативной ежедневной газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung».

Эта полемика представляет собой поистине постмодернистский спектакль. Твердая почва, на которую обычно опираются историки, практически полностью превращается в болото релятивизма и субъективизма. Все стержни «нормальной» исторической науки — такие как источники, факты и исторический метод — бесследно тонут в этом болоте. Даже вопрос о том, а была ли между сторонниками двух лагерей дискуссия в подлинном смысле этого слова, оказывается спорным: защитники Нольте и Хилльгрубера попросту отрицают наличие полемики среди историков, говоря о «так называемом *Historikerstreit*» или о направленной против них постыдной «политической и моральной кампании», или о «Хабермасовой полемике» (см. прим. 17). Фразу «ваша действительность отличается от моей» вероятно можно обозначить как единственное бесспорное утверждение во всей этой дискуссии.

Свидетельством в пользу этого служит то обстоятельство, что фактуальные утверждения одной стороны в этой дискуссии не признаются таковыми другой стороной, и часто обличаются как политические «оценочные суждения». В качестве примера можно привести то, каким образом характеризуется истребление евреев нацистской Германией. Критики Нольте и Хилльгрубера считают квазипромышленный

характер процесса истребления европейских евреев нацистами уникальным историческим фактом, который отличает это событие от других массовых расправ в мировой истории. Эта точка зрения основывается на том соображении, что нацисты преднамеренно использовали аппарат «цивилизованного» государства для того, чтобы достичь своей кровавой цели, в то время как остальные массовые погромы происходили в хаотическом контексте войны или же гражданской войны. Поместить Аушвиц в сравнительную перспективу европейской или мировой истории — как это делают Нольте и Хилльгрубер — означает стереть тем самым наиболее важную фактическую особенность национал-социализма: его уникально деструктивный характер. Переписывая немецкую историю как общеевропейскую историю, историки стремятся не к новым научным прозрениям, а лишь злоупотребляют сравнительным подходом, преследуя политическую цель вытеснения в подсознание этого травмирующего исторического факта (см. прим. 18).

Защитники Нольте — такие как Иоахим Фест и Клаус Хильдебранд — вообще не считают этот уникальный характер истребления, развязанного национал-социализмом, историческим фактом; вместо этого они относят его к запоздалому проявлению немецкой «Herrenvolkgesinnung» (см. прим. 19), поскольку последнее сводится к утверждению, что немцы превосходят всех остальных, даже если для утверждения этого нужно убивать гражданское население (см. прим. 20).

Еще один ключевой факт для критически настроенных историков, таких как Ганс Моммзен и Мартин Брошат, состоит в том, что Германия не была монолитной единоличной диктатурой; такое государство не могло бы функционировать без активного содействия консервативной торговой и промышленной элиты, армии и бюрократии. С их точки зрения, ключевым фактом относительно Третьего Рейха было не наличие идейного фанатика, а то, что этот фанатик возглавил государство и более двенадцати лет пользовался восторженной поддержкой элит и государственного аппарата для осуществления своей преступной политики. Они считают, что каузальная редукция нацистских преступлений к умонастроению Гитлера и его боязни большевизма является политически мотивированной попыткой затушевать ключевую роль этих консервативных «Funktionseliten» (см. прим. 21) Третьего Рейха — и, тем самым, перенести ответственность с Третьего Рейха на Коммунизм (см. прим. 22).

Нольте, как и следовало ожидать, придерживается иной точки зрения. Он не признает сотрудничество между консервативными элитами и Гитлером в качестве исторического факта, поскольку (почти) все немцы объединились во время войны — и это так же верно как в отношении прежде левацки настроенных рабочих, так и в отношении традиционно правых элит. Приписывание особой ответственности этим элитам приводит к тому, что вина возлагается исключительно на эти группы, в духе противопоставления «хороших» и «плохих». Нольте утверждает, что на самом деле эти историки эксплуатируют тему Третьего Рейха как инструмент для своей критики современного общества с левых политических позиций (см. прим. 23).

В свою очередь, критики Нольте и Хилльгрубера отрицают за тем, что последние считают ключевыми фактами, статус настоящих фактов. Ибо факты — это состояния дел, которые могут быть сформулированы посредством истинных утверждений, фактуальных утверждений, принадлежащих как описательному, так и объяснительному уровням нарратива (см. прим. 24). Фактуальное утверждение Нольте, что национал-социализм можно каузальным образом вывести из большевизма, от-

брасывается как политический обман. Фактуальное утверждение Хилльгрубера о каузальной связи еврейской катастрофы со «скрытым фактором», характерным для европейской истории в целом, а не только для нацистской Германии, встречает точно такой же резкий прием. Их крики подчеркивают непосредственную связь между призывом Нольте и Хилльгрубера к «научному обновлению» и консервативным политическим призывом 1980-х гг. в Федеративной Республике «выйти наконец из тени Гитлера» (см. прим. 25). Политической целью этих «новых подходов» к немецкой истории считается формирование самосознания немцев как «нормальной нации».

Конечно же, Нольте и Хилльгрубер немного страдают от всех этих «недоразумений» по поводу своих, как они считают, благородных и чисто научных устремлений. Попытки приписать им апологетический умысел, неопровержимо доказывает, по их мнению, зашоренность их оппонентов своей левой идеологией. Эти шоры мешают им признавать нелицеприятные истины, особенно если эти истины утверждают люди с «неправильными», то есть правыми, политическими взглядами. Наука, однако, требует «аполитичной» позиции и признания истины вне какой-либо зависимости от политической окраски того, кто ее утверждает. Ибо настоящая наука просто не может существовать, если остаются «запретные» вопросы (см. прим. 26).

Одним словом, вряд ли расхождения между двумя сторонами этой дискуссии могли бы быть более фундаментальными, поскольку они затронули как описательные утверждения о фактах, так и объяснительные утверждения о взаимосвязях между фактами. Различие между фактуальными утверждениями и оценочными суждениями постоянно попадает в центр обсуждений, обсуждений, которые переходят в сильнейшие споры.

Окончание следует...

Пер. О.П. Панафидиной, Е.В. Мишаловой, науч. ред. Я.В. Шрамко

Примечания

1. [White H. *Figural Realism. Studies in the Mimesis Effect*. Baltimore and London 1999, viii. — Эпиграф и сноска добавлены в *Historisches Wissen*.]
2. Chr. Meier, *Narrativität, Geschichte und die Sorgen des Historikers*, in: R. Koselleck / W. Stempel (Hg.), *Ereignis und Erzählung*, München 1973, 571-585.
3. Atkinson R.F. „Methodology. History and its Philosophy.” - W.J. van der Dussen / L. Rubinoff (Eds.). *Objectivity, Method and Point of View*. Essays in the Philosophy of History. Leiden 1991, 12-22.
4. Rubinoff L. “W. Dray and the Critique of Historical Thinking,” - W.J. van der Dussen / L. Rubinoff (Eds.). *Objectivity*, 1-11; Martin R. *The Past within Us. An Empirical Approach to Philosophy of History*. Princeton 1989, 3-16.
5. «Спор историков» (нем.) — *Примечание переводчиков*.
6. Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Oxford, 1980; Ankersmit F.R. “Historiography and Postmodernism,” — *History and Theory* 28 1989, 137–53; Zagorin P. “Historiography and Postmodernism: Reconsiderations,” - *History and Theory* 29 (1990), 263–74; Ankersmit F.R. “Reply to Professor Zagorin,” - *History and Theory* 29 (1990), 275–96. Далее, литература касательно взаимосвязи истории и постмодернизма:

Панафидина Оксана Петровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Криворожского государственного педагогического университета (Украина, Кривой Рог). E-mail: oxanapanafidina@ Rambler.ru;
Мишалова Елена Витальевна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры всемирной истории Криворожского государственного педагогического университета (Украина, Кривой Рог). E-mail: elen-mishalova@ Rambler.ru;

Шрамко Ярослав Владиславович — доктор философских наук, профессор, ректор Криворожского государственного педагогического университета (Украина, Кривой Рог). E-mail: yshramko@ukrpost.ua.

“Herausforderungen durch die Postmoderne” в *Grundlagen und Methoden der Historiographieggeschichte*, ed. W. Küttler et al., Frankfurt, 1993, 17–97; Stone, “History and Post-modernism,” - *Past and Present* 131 (1991), 217–18; Joyce P. and Kelly C. “History and Post-modernism,” - *Past and Present* 133 (1991), 204–13; Spiegel G. “History and Post-modernism,” - *Past and Present* 135 (1992), 189–208; Caplan J. “Postmodernism, Poststructuralism and Deconstruction: Notes for Historians,” - *Central European History* 22 (1989), 260–78.

[В *Historisches Wissen* часть этого предложения после тире изменена следующим образом: «вопреки аллергии на истину со стороны постмодернизма». Вместо воспроизведенного выше примечания английского оригинала к этим словам дается следующее новое обширное примечание:

«Что касается значения понятия постмодернизма, то я разделяю точку зрения Вельша, как она изложена в его книге *Unsere postmoderne Moderne*, Berlin 1997, 1-8. Согласно Вельшу, постмодернистскую позицию объединяет (1) «недоверие к историческим мета-нарративам», таким как либерализм, марксизм и модернизм, что приводит к фундаментальному отказу от любой материальной философии истории и к фундаментальному отказу от редукции множественности к единству, т.е. к анти-редукционизму и анти-унитаризму; (2) отказ от представления, что существует независимая от взглядов субъекта действительность, т.е. анти-объективизм. Вследствие этого анти-объективизма отвергается любая дискуссия о действительности, не зависящей от ее символических, в частности, языковых репрезентаций. Я согласен и с различием, которое Вельш проводит между интересными и вульгарными вариантами постмодернистского мышления.

Что касается постмодернизма в исторической науке, то тут полезен анализ «постмодернистского вызова», осуществленный Рюдигером Графом в статье “Interpretation, Truth, and Past Reality. Donald Davidson meets history”, - *Rethinking History* 7 (2003), 3, 387-402, в особенности, 388-390. Граф сводит постмодернистский взгляд на историю к четырем основным представлениям: (1) множественность описаний, т.е. представление, что об одной и той же совокупности событий или фактов можно рассказать множество различных историй, и что «поэтому» факты не детерминируют интерпретации и «поэтому» нет никакой разницы между истинными и ложными интерпретациями; (2) текстуализация истории, т.е. представление, что историк имеет дело только с текстами; поскольку историк не имеет непосредственного доступа к самому прошлому, то истинна историческая сообщений не может быть установлена в смысле корреспонденции: исторические тексты можно сравнивать только с другими текстами, а не с самим прошлым; (3) деререференциализация языка, т.е. представление, что слова получают свое значение через их соотнесение с другими словами, а не через их референцию к внеязыковой действительности (это представление, как правило, связывают с де Соссюром и Дерридой): «поэтому» историографические тексты не могут относиться к прошлому, и не могут быть истинными в том смысле, что они корреспондируют с прошлым; (4) нарративность, т.е. представление, что нарративы (Erzählungen) имеют свою собственную логику, которая не зависит от высказываний о фактах, которые в них входят. «Поэтому» нарративы не могут быть истинными или неистинными.

Более подробно см. в Conrad Chr./Kessel M. (Hg.), *Geschichte schreiben in der Postmoderne. Beiträge zur aktuellen Diskussion*, Stuttgart 1994; Jenkins K. (Hg.), *The Postmodern History Reader*, London 1997. Критическое рассмотрение см. Zagorin P. “Historiography and Postmodernism. Reconsiderations.” - *History and Theory* 29 (1990), 263-274; Его же “History, the referent and narrative,” - *History and Theory* 38 (1999), 1-24; От составителя, ‘You got your history, I got mine’. Some reflections on truth and objectivity in history, *Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften* 10, 4 (1999) 563-584.“]

7. В качестве примера размышлений в русле идей Коллингвуда см.: Dussen W.J. van der. *Filosofie van de geschiedenis: Een inleiding*, Muiderberg 1986, 144-179; о проблеме релятивизма см.: Bernstein R. *Beyond Objectivism and Relativism*. Oxford 1983, 1-16.

8. Для сравнения см.: Lorenz Chr. *Die Konstruktion der Vergangenheit. Eine Einführung in die Geschichtstheorie*, Köln 1997, 400-437. Что касается «внутреннего реализма» см.: Putnam H. *Reason, Truth and History*, Cambridge 1981, 49.

9. Литература по этой дискуссии очень обширна. Общий обзор и анализ см.: Evans R. *In Hitler's Shadow. West German Historians and the Attempt to Escape from the Nazi Past*, London 1989; Maier Ch. *The Unmasterable Past. History, Holocaust and German National Identity*. Cambridge, Mass. 1988. Оригинальные статьи, собственно образующие эту дискуссию, размещены в сборнике *Historikerstreit. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung*, München 1987, на который я в дальнейшем буду ссылаться как на *Historikerstreit*.

10. Дебаты по этой теме также практически невозможно охватить. Обзор и подборку литературы по теме см. в Sabrow M. Jessen R. и Große Kracht K. (Hg.), *Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945*, München 2003, а также Berg N. *Der Holocaust und die westdeutschen Historiker. Erforschung und Erinnerung*, Göttingen 2003; Sonderband 52 von *German Politics & Society* 17 (1999), 3: “The dilemmas of commemoration: German debates on the Holocaust in the 1990’s”.

11. [Я имею в виду дебаты и публикации о немцах как жертвах войны, которые разгорелись после выхода произведений Бернхарда Шлинка «Чтец», Гюнтера Грасса «Траектория краба» и Йорга Фридриха

«Пожар» и «Пепелище». О развитии дискуссии о немцах как жертвах войны см. мою статью "Bordercrossings. Some reflections on the role of German historians in recent public debates on Nazi history," - Michman D. (Hg.), *Remembering the Holocaust in Germany 1945–2000. German Strategies and Jewish responses*. New York 2002, 59–95.]

12. Habermas J. „Eine Art Schadensabwicklung: Die apologetische Tendenzen in der deutschen Zeitgeschichtsschreibung,“ - *Historikerstreit*, 62–77.

13. Nolte E., „Zwischen Geschichtslegende und Revisionismus? Das Dritte Reich im Blickwinkel des Jahres 1980 и Vergangenheit die nicht vergehen will,“ - *Historikerstreit*, 13–36 и 39–48. О защите им своей позиции и комментарии к этой дискуссии см.: Nolte E. *Das Vergehen der Vergangenheit: Antwort auf meine Kritiker im sogenannten Historikerstreit*, Berlin 1987.

14. Hillgruber A. *Zweierlei Untergang: Die Zerschlagung des Deutschen Reiches und das Ende des europäischen Judentums*, Berlin 1986.

15. [Недавно Филип Тер убедительно показал в своей статье "Beyond the nation. The relational basis of a comparative history of Germany and Europe, *Central European History*", - 36 (2003), 45–73, в какой, на самом деле, незначительной степени, после 1945 года, немецкие историки описывали немецкую историю «с восточной точки зрения», по умолчанию излагая ее «с европейской точки зрения». По мнению Тера, «западная ориентация» Федеративной республики ретроспективно и «внеисторически» проецировалась этими историками на всю немецкую историю Нового времени. Впрочем, анализ Тера не имеет никакого отношения к апологетическим аргументам Нольте и Хильгрубера.]

16. [После организации выставки «Война на уничтожение. Преступления Вермахта в 1941–1944 гг.» и тех споров, которые ей сопутствовали – т. е. с 1995 г. – это разделение, которое среди специалистов уже давно считалось устаревшим, является в высшей степени проблематичным. В этом смысле *Historikerstreit* также уже стал «историей».]

17. Nolte E. *Vergehen der Vergangenheit*, 13–68; Hillgruber A. "Jürgen Habermas, Karl-Heinz Janssen und die Aufklärung Anno 1986," - *Historikerstreit*, 331–52; Geiss I. *Die Habermas-Kontroverse: Ein deutscher Streit*. Berlin, 1988.

18. Wehler H.-U. *Entsorgung der deutschen Vergangenheit? Ein polemischer Essay zum Historikerstreit*. Munich, 1988, 16–17; Maier, *The Unmasterable Past*, 83–4; Evans, *Hitler's Shadow*, 175.

19. *Идеология расы господ* (нем.). – *Примечание переводчиков*.

20. Fest J. *Die geschuldete Erinnerung: Zur Kontroverse über die Unvergleichbarkeit der nationalsozialistischen Massenverbrechen*, in *Historikerstreit*, 104–113; Hildebrand K. *Das Zeitalter der Tyrannen*, in *Historikerstreit*, 91.

21. *Функциональные элиты* (нем.). – *Примечание переводчиков*.

22. Mommsen H. *Suche nach der "verlorenen Geschichte"? Bemerkungen zum historischen Selbstverständnis der Bundesrepublik и Neues Geschichtsbewusstsein und Relativierung des Nationalsozialismus*, in *Historikerstreit*, 156–174 и 174–189; Broszat M. *Wo sich die Geister scheiden: Die Beschwörung der Geschichte taugt nicht als Religionsersatz*, in *Historikerstreit*, 189–196; Winkler H.-A. *Auf ewig in Hitlers Schatten? Zum Streit über das Geschichtsbild der Deutschen*, in *Historikerstreit*, 256–264; Mommsen W.J. *Weder Leugnen noch Vergessen befreit von der Vergangenheit: Die Harmonisierung des Geschichtsbildes gefährdet die Freiheit*, in *Historikerstreit*, 300–332.

23. Nolte, *Vergehen der Vergangenheit*, 57, 88–89; Nolte, "Geschichtslegende", 23; Nolte, "Vergangenheit", 41.

24. См.: Hamlyn D.W. *The Theory of Knowledge*, London 1970, 136–142 касательно взаимосвязи между фактами и истиной, в особенности с. 137: «Верно, что факт является тем, о чем утверждается в истинном высказывании, но из этого не следует, что это одно и то же; будет также неверным сказать, что факт – это *лишь* то, что утверждается в истинном высказывании. Ведь можно было бы предположить, что факты не существуют, пока не сформулировано высказывание, которое оказывается истинным, в то время как на самом деле верно обратное – существуют бесчисленные факты, которые никогда не были и не будут сформулированы».

25. Эта знаменитая фраза была высказана покойным консервативным политиком ХСС Францем Йосифом Штраусом. По поводу политического контекста полемики см.: Diner D. (Hg.) *Ist der Nationalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit*, Frankfurt am Main 1987 и Kühnl R. (Hg.) *Streit ums Geschichtsbild: Die "Historikerdebatte." Dokumentation, Darstellung und Kritik*, Cologne 1987, в особенности 200–292.

26. Nolte, "Vergangenheit", 45 и „Vergehen der Vergangenheit“, 91; Hillgruber, "Frageverbot", 232–238.